

Халқымыз бүркітті ерекше дәріптеп, «Құс патшасы – бүркіт, аң патшасы – арыстан», «Көк аспанның әміршісі», «Құс төресі бүркіт», «Дала сермендесі», «Қанаттылар тәңірі», «Аспан перісі» деп өте жоғары бағалаған. Түркітанушы Л.Гумелев «түркілерді народ-войска» деп атаса, түркілер өздерін «Тәңірінің жасағымыз» деп санаған, осыған орай қазақ халқы жауынгерлікті жалау етіп, ерлікті дәріптеді, нақ осының символы бүркіт болды деуге негіз бар.

Профессор Г.Н.Смағұлова: «Қазақ тіліндегі фразеологизмдер айналадағы қоршаған орта заттар мен құбылыстарға этнос тұрғысынан баға беру, сипаттау арқылы сол ұлттың ұлттық менталитетін, көзқарасын, дүниетанымын аңғартады» [5], - деген пікір айтады. Ал, Мәлік Ғабдуллин «Мақал-мәтел бір ғасырдың ғана жемісі емес. Олардың үлгілері ескі заманда туып, өзінің қалыптасуы, дамуы, өсу процесінде талай ғасырмен бірге жасасқан. Бұл жолда әр түрлі қоғамдық, таптық тілектерге сәйкес өзгеріп, жаңарып отырған», - деген.

Әр халықтың дүниетанымында идиоэтникалық ерекшеліктер болады. Олар көбіне халықтың тұрмыс-тіршілігі, кәсібі, өнерінде байқалады. Сол секілді киелі ұғыммен байланысты тілдік бірліктер тән. Қазақ халқына жалпы жануарлардың біршама бөлігі киелі қасиетті танылып, ерекше қолғалады, себебі әр жануардың киесі атады деген түсінік қалыптасқан. Төлдейтін уақыттарында тиіспей ол кезеңдерге атау беріп назарда ұстаған, «құралай», «текенің бүркылы» сынды атаулар берген.

Көшпелі, жауынгер халық дүниетанымында жылқы мен иттің орыны ерекше және оларға қатысты тілдік деректерде мақал-мәтелдер мен тұрақты тіркестер көптеп кездеседі. «Жылқы – малдың патшасы, түйе – малдың қасқасы», «Жүйрікті кекіл қағысынан байқайды», «Жүйрік атқа жал бітпес, тәк-тәкке малбітпес», «Итті тепкен, ырысты тебеді», «Иесін сыйлағанның итіне сүйек сал» сынды мақалдарды жиі кездестіреміз.

Атадан балаға тілдік мұра ретінде беріліп, бүгінде кеңінен қолданыс табуда.

Қорытындылай келе, қазаққа киелі, қасиетті деген ұғымдардың қаншалықты маңызды екені аян. Ата-бабамыз сайын даланы мекен еткен етіп тау-тасын, аң-құсын киелі санап, жоғары бағалаған. Сарқылмас рухани байлықтың негізінде ұрпақ сабақтастығын жалғастыруда.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Циренова Л. А. Краткий философский словарь. 2-е изд. – М.: РГ – Пресс, 2014. – 496 б.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1222 б.
3. Қайбарұлы А., Бопайұлы Б. Қазақ ырымдары. Казахские поверья // Қазақ этикасы және эстетикасы. Қазақ халқының философиялық мұрасы. 12-том / Құраст. Т.Х. Ғабитов. - Астана: Аударма, 2007. – 47-93 бб.
4. Уәлиханов Ш. Қазақтардағы шамандықтың қалдығы // Қазақтың тәлімдік ойлар антологиясы. – Алматы, 2008. – 5-т.- 448 б.
5. Смағұлова Г. Мағыналас фразеологизмдердің ұлттық-мәдени аспектілері. – Алматы, 1998. – 194 б.

Филимонова Александра Петровна

Докторант Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, Казахстан

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «КНИГА» НА ОСНОВЕ ДОМЕНА «ЧЕЛОВЕК»

Означивание явлений действительности через семантическое пространство концептов-артефактов, занимающих важное место в системе аксиологических представлений определенного лингвокультурного сообщества, становится предметом пристального научного интереса антропологически ориентированных исследований. Концепт «книга» как значимый элемент ценностной системы любой письменной культуры, «квинтэссенция мировой работы духа человеческого» (М. Горький), подвергается в языке активной метафоризации. Его высокий семантический потенциал способствует формированию широкого круга метафор на основе разнообразных моделей. Разрабатывая теорию концепта, лингвисты Волгоградской школы лингвокогнитологии (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Н. А. Красавский) выделяют в семантической структуре концепта три составляющие: понятийную (предметно-логическую), образную (метафорическую) и ценностную. Метафоризация понимается как один из продуктивных способов образного представления денотативной информации концепта. «Концепт является лишь

мыслительным столпом значения, опираясь на который лингвокреативное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера» [2; 88].

С точки зрения когнитивистики метафора является дискурсивным феноменом, эффективным эвристическим приемом, отражающим базовый когнитивный процесс познавательной деятельности людей. Когнитивная теория метафор описывает суть процесса метафоризации как взаимодействие области-источника (вспомогательный субъект метафоры, метафоризатор) и области-мишени (основной субъект метафоры), в которую переносятся определенные когнитивные структуры знания, относящиеся к области-источнику. Метафорический образ создается «путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта» [1; 357].

Рассмотрим метафоризацию концепта «книга», которая происходит на основе одного из базовых доменов - человек. Он включает две метафорические модели: биологическое существование человека и социальное бытие человека. Будучи актуальным ценностно ориентированным артефактом, концепт «книга» входит в тесное взаимодействие с семантическим пространством концепта «человек». Метафора как универсальная модель выявляет сходство сопоставимых с книгой предметов. Наиболее значимой точкой сопряжения образов книги и человека является их материально-идеальная природа. Они оба характеризуются двойственной сущностью, являясь объектами, имеющими одинаково значимые ипостаси: материальную и духовную, что является основанием для метафорических отождествлений. Такая конгруэнтность уподобляемых объектов способствовала возникновению множества метафорических моделей, представляющих бытие книги в разнообразных связях с множеством проявлений культуры. Материальное бытие книги представлено предметно-материальным и предметно-текстуальным характеристиками. Духовное бытие книги репрезентируется в символическом, мифологическом, игровом аспектах.

В метафорической модели книга может выступать как в качестве области-источника, донора, так и в качестве области-мишени. То есть в языке происходит представление книги как антропоморфной сущности (книга как человек), а также обратное означивание человека и его жизни через образы книги (человек как книга).

Идеальная сущность книги, ее восприятие как вместилища накопленных духовных ценностей, культурно значимого знания, служит основанием для ее персонификации. Антропоморфное представление книги отражается в многочисленных языковых метафорах. Книге приписываются предикаты активного субъекта: книга рассказывает, книга учит, книга вышла в свет; атрибутируются человеческие качества, характеризующие ее как активного мыслящего субъекта: умная книга, глупая книга, скучная книга.

Метафорическая модель «биологическое существование человека» включает видовые таксоны «рождение», «жизнь», «смерть», «судьба», «пища», «дитя», «тело».

*У меня не живут цветы <...>
Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грозные томы,
Сторожат вековые истома
[Н. Гумилев (1910)].*

Жизни человека уподобляется вещное бытие книги, связанное с созданием и постепенной деградацией ее как материального предмета.

Говорят же: книга умерла. Старые и ненужные книги списывают. Отправляют, так сказать, на недолгую пенсию. А потом хоронят [Ю.А. Сорокин].

А также этапы ее социального бытия, отражающие в понятиях жизни и смерти изменения художественной или социальной значимости книги как феномена духовной культуры:

Без читателя книга - мертва. И мертва до тех пор, пока вы не снимаете ее с полки и не начинаете читать. Тогда она оживает [Ю.А. Сорокин].

У каждой книги своя судьба, своя долгота века [С.Я. Маршак (1958)].

Книга как феномен культуры, в своей идеальной сущности, наделяется в языковом сознании бессмертием, подобно душе человека, которое обретается книгами, значимыми с точки зрения сохранения ценностей данной культуры. Репрезентативными является таксоны возрождения, обновления, вечной молодости:

*Но сияют слова,
Излучение их не померкло.
И опять ты жива,
Ибо светлая книга — бессмертна.*

[Вера Инбер (1920)]

Хорошие книги никогда не стареют, им даны вечная молодость и обновление во времени, они – живой организм, воздух, без которого не может жить и развиваться человек [В. Г. Лидин. «Друзья мои – книги»(1962)].

В поэтических текстах художественной рефлексии подвергается двуединая природа книги:

С какой товарищеской лаской

В себя впивали новый мир

И этот корпус с блеклой краской,

И этот стертый эльзевир!

[С.М. Городецкий (1927)]

Подчеркиваются, с одной стороны, атрибуты книги как материального объекта, подверженного разрушительному влиянию времени («корпус с блеклой краской», «стертый эльзевир»), с другой стороны, способность испытывать человеческие чувства («с товарищеской лаской») и радость познания («*В себя впивали новый мир*»).

Другой пример сопоставления в одном метафорическом образе материальной и идеальной сущности книги через антропоморфные образы старения:

Стареют книги... Нет, не переплет,

Не тронутые плесенью страницы,

А то, что там, за буквами, живет

И никому уж больше не приснится.

[В.А. Рождественский(1930)]

Распространенной метафорической моделью является «книга - пища», являющаяся ядерным образом-архетипом, продуктивным уже в древнерусской литературе. Ее истоки Д. М. Буланин видит в библейско-византийской традиции, в античной литературе и мифологии [3].

В философии культуры пища интерпретируется как «концептуальная метафора начала и конца, жизни и смерти, появления и исчезновения. Акт принятия пищи восходит к первобытной тотемической борьбе и к христианской литургии» [4; 222]. Психоаналитические направления (З. Фрейд, Д. Франкл) трактуют пищевые метафоры в контексте процессов социализации, «встраивания человека в окружающий мир. Поедание отождествляется с приобретением, присвоением, принятием» [4; 222].

В библейской традиции метафоризация книги как пищи связана с сюжетами, в которых божественное Откровение представляется в виде Окормления Богом-отцом своих детей. «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мною и сказал: пойдя, возьми раскрытую книжку из руки Ангела, стоящего на море и на земле. И пошел я к Ангелу, и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка как мед» (Ин 10:8–10). В этом контексте книга, поглощенная подобно пище, является метафорой вкушения меда Божьего слова как душевно-физического приобщения к божественной истине. Модификации метафоры «книга – пища/мед» актуализируются вне религиозного контекста как приобретение, усвоение необходимых для успешной социализации знаний, накопление которых означает через метафору «сытости разума».

Прилежнее склонись челом к страницам книг,

Где каждая строка мёд мудрости таит.

Будь жаден к знаньям, сын! Знай: ты не всё постиг,

Лишь черная из них твой разум будет сыт.

[Гамзат Цадаса(1940)]

Метафорическая модель «социальное бытие человека» включает следующие видовые таксоны: «социальные функции», «история», «прошлое», «культурная память».

Персонификация происходит на основе семантики не биологических, а социальных сфер жизни человека. Наиболее распространенным является метафорическое отождествление «книга - друг»:

Из рая детского житья

Вы мне привет прощальный шлете,

Неизменившие друзья

В потертом, красном переплете
[М. Цветаева "Книги в красном переплете" (1910)]

Человек и книга уподобляются по их способности нести новое прогрессивное знание, противоречащее допускаемому данным обществом и подвергаемое публичному уничтожению, библиоклазм и аутодофе.

*На ней безумство бунта
и папские кресты.
Она с Джордано Бруно
всходила на костры!*
[Ваганова Л. С.]

В метафорической модели «книга судьбы», книга выступает как область-источник. Свойства текста как замкнутого в пространстве и времени, зафиксированного на страницах книги, представляются изоморфными идее предопределенности событий жизни человека.

Казалось, каждому раскрылась тогда таинственная книга судеб будущего и каждый, читая кровавые буквы ее, окаменел и не мог промолвить ни одного слова [Полевой Н.А. «Клятва при гробе Господнем» (1903)].

Метафора «книга жизни» является одной из базовых в культуре человечества. Несколько раз упоминается в Библии, где описана книга Бога, в которую вписаны имена всех людей и которая является своеобразным свидетельством и подтверждением права на даруемую вечную жизнь. В Ветхом Завете читаем: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей» (Исх 32,32-33). В Откровении апостола Иоанна Богослова Нового Завета сказано: «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни» (Откр. 3,5). Данная метафора основана на осмыслении человеком бытия как созданного и себя либо как писателя, либо читателя своего бытия, соответственно – активного субъекта своей жизни или же наблюдателя и интерпретатора уже предписанного для него текста жизни.

Другим вариантом данной метафоры является представление этапов человеческого существования как частей текста книги. Юность, неопытность уподобляются началу чтения книги, ее вступительной части:

*Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла*
[Ю.М. Лермонтов «Маскарад» (1835)]

Напротив, закат жизни отождествляется с заключением книги, эпилогом:

Сама она прочтала уже книгу жизни всю, до конца, до грустного эпилога; но она любит тех, кто жадно и доверчиво приникает лишь к первым страницам этой же интригующей книги [Ю.И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей (1908)].

Таким образом, продуктивность метафорических моделей, возникших на основе закреплённой в лингвокультуре семантики концепта «книга» и составляющих его образный слой, свидетельствует о значимости данного концепта как репрезентанта культуры. В силу своей знаковой природы книга имеет устойчивую традицию метафоризации, символического восприятия. Одним из самых репрезентативных «каналов» метафоризации книги является соотношение ее с семантическим пространством человека как биологического, так и социального существа, что отражается в семантике как языковых, так и поэтических метафор.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С. 73–95.
3. Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. – Т. 37. – С. 3–14.
4. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М., 1997. – 346 с.